

В раковине стоял ярко-красный таз с праздничным узором из распустившихся пионов — традиционным пожеланием процветания. Струя воды с гулким грохотом лупила по пластиковому дну.

Тун Хуайцин одеревенел и с нескрываемым изумлением обернулся.

На его длинной реснице зависла капля воды, добавив чистым, прозрачным глазам влажного, мягкого блеска. За последние недели он исхудал до невозможности, и хоть в этом захолустном уезде успел переболеть, цвет лица, как ни странно, заметно улучшился.

Алые губы, ровные белые зубы, тонкие, будто сошедшие с живописного свитка черты.

Изящная, словно у лебедя, шея и тонкий, гибкий стан.

И вот такому человеку — утончённому, словно драгоценный нефрит — только что заявили, что собираются всыпать по горячее число?

Кран перекрыли.

Тун Хуайцин неспешно вытер руки полотенцем и развернулся, намереваясь уйти.

— Стоять.

Чи Е перегородил ему путь, полностью накрыв своей высокой, массивной тенью.

— Не смей больше водить Ноно на ту улицу. Там небезопасно.

Голос звучал сурово, в нём проглядывало глухое раздражение, но Хуайцин неожиданно запнулся на одной мысли.

«Больше»...

Неужели тот действительно собирается и дальше держать его у себя?

Хуайцин в замешательстве поднял взгляд на Чи Е — мужчину, которого ещё недавно считал неотёсанным и неприятным.

Чи Е молча разглядывал его пару секунд.

А затем небрежно подхватил стоявший за дверью деревянный прут.

— Ноно, подойди.

Девчушка, смирившись с судьбой, мигом прибежала, послушно протянула левую ручонку ладошкой вверх и зажмурилась, отвернув мордочку.

Хлест!

Прут без особой силы опустился на детскую ладонь — всего один раз, оставив лишь бледную розовую полоску.

Чи Ино тут же отдернула руку и принялась хлопать глазами:

— Я больше не буду туда бегать...

Голос её под конец и вовсе скатился до едва слышного писка.

Чэнь Сянъян наблюдал за наказанием со стороны. Он только-только перешёл в среднюю школу, и его детский, ещё не начавший ломаться голосок звучал звонко:

— Ты же за браслетом из ракушек туда таскалась? Чего все младшеклассницы так по этой ерунде сохнут, детский сад какой-то!

И он вздохнул с преувеличенно взрослым видом.

Чи Ино прикрыла карман ладошкой и попятилась:

— Брат сам говорил, что я могу тратить карманные деньги как хочу!

— А знаешь, почему Старший брат запрещает тебе туда ходить? — Сянъян болтал ногами, сидя на табурете. — Да потому что он тебе всё это уже купил!

— Хотел на следующей неделе, на день рождения подарить, — добавил мальчишка.

Под оглушительный визг Чи Ино Чи Е упёрся рукой в дверной косяк, перекрывая проход:

— А ты куда собрался?

Тун Хуайцин опешил.

На дворе двадцать первый век, а в этом захолустье до сих пор свято веруют в розги? Пусть он всего лишь чисто символически шлёпнул её по ладони, это всё равно телесное наказание — убогий, давно отживший своё метод!

Хотя в детстве, когда эти двое совсем отбивались от рук, Чи Е проявлял редкое терпение. Но если дело касалось опасных вещей — вроде игр с огнём или кухонными ножами, — он без долгих разговоров сгребал виновного в охапку и высыпал по мягкому месту.

Когда Ино исполнилось года два или три, у неё появилось непреодолимое желание дотянуться до горячего термоса: подставляла табуреточку и карабкалась наверх. Чи Е, застукав её за этим занятием, просто взял деревянную пробку от термоса и прижал к пухлой ручонке.

Девчонка залилась рёвом на весь дом.

Зато термос после этого как отрезало. Урок усвоила на всю жизнь.

Старший брат университетов не кончал, зато жизненные принципы имел железные.

Он сверху вниз разглядывал Хуайцина. После недавней перепалки растрёпанные пряди придавали парню едва уловимый, мальчишеский вид.

Сразу видно: балованный барчук, из тех, кого дома носят на руках.

Изнеженный до крайности.

Кожа на солнце моментально краснеет, от малейшей подначки вспыхивает, как сухой порох, — настоящий мелкий пакостник.

Причём совершенно безвредный.

Даже горшком запустит — и то промажет, а когда от удара уклонится, ещё и за голову схватится, изображая жертву.

Будь он его родным младшим братом, Чи Е давно сгрёб бы его в охапку и перетянул прутком по задку, чтобы выбить всю эту дурь. Сколько бы тебе ни было лет, ты мужик, а ведёшь себя как избалованный барчук.

Чи Е невольно подался вперёд, сближаясь с ним так, что можно было рассмотреть каждую длинную, загнутую ресницу. Хуайцин же, исполненный подозрительности, попятился, пока не упёрся спиной в стену, готовый вот-вот шипеть и вздыбливать шерсть.

Деревянный прут толщиной с палец Чи Е переложил за спину и теперь легонько постукивал им по своим широким лопаткам.

— Тебе куда прописать — по ладоням или по заднице?

Голос Чи Е звучал густо и низко, и лишь в самом конце проскользнула едва заметная, ироничная нотка.

И он с удовлетворением заметил, как у Хуайцина дрогнули и расширились зрачки.

Отступать дальше было некуда.

Белоснежная, изящная ладонь упёрлась в крепкую, как забор, грудь Чи Е.

Сопrotивляется.

Чи Е опустил взгляд: длинные тонкие пальцы, побелевшие костяшки, едва заметно подогнутый мизинец.

Глаза светлые, чистые и прозрачные, совсем как стеклянные шарики, с которыми он играл в детстве.

От стыда или от злости, но ресницы у него всё ещё оставались влажными, словно он изо всех сил сдерживал слёзы.

Ладно, хватит над ним издеваться.

Каким бы самодуром Чи Е ни был, подставлять руки под прут гостей он бы не стал. На своих домочадцев за закрытыми дверями он мог и орать, и спуска не давать, но Тун Хуайцин — чужак, к тому же парень с приветом, склонный к крайностям. Не станет же он и вправду стегать его хворостиной по мягкому месту.

Особенно когда у того сейчас такой растерянный и даже милый вид.

Чи Е только собрался выпрямиться, как ощутил, что в отворот его куртки мёртвой хваткой вцепились пальцы.

Тун Хуайцин, сжав зубы, одними губами прошипел: «Только попробуй...»

Чи Е удивлённо вскинул бровь:

— Что? Снова укусить созрел?

Хуайцин с ледяным спокойствием уставился на него и в ту же секунду с неожиданной, бешеной силой рванул Чи Е на себя и вбок.

Застигнутый врасплох, Чи Е действительно качнулся и сделал полшага в сторону.

Хлёт!

Раздался звонкий, сочный хлопок.

Тун Хуайцин с невозмутимым видом отдернул ладонь.

А упругая, надо признать, задница.

Что бы ни было потом, а нанести удар первым — чертовски приятно.

Дурачившиеся неподалёку Чэнь Сяньян и Чи Ино от резкого звука одновременно обернулись. Их старший брат ошеломлённо застыл на месте, а Тун Хуайцин с совершенно независимым видом развернулся и прошествовал к раковине.

И принялся смывать мнимую грязь.

Даже торчащий на макушке вихор выражал предельную дерзость.

Чи Е, глядя на его тонкую шею, опять задался вопросом: неужели этому парню реально ни разу в жизни не всыпали?

Вода обжигала холодом. Едва Хуайцин вытер руки, как чьи-то мощные руки сгребли его поперек талии. Прежде чем он успел хоть что-то сообразить, мир перевернулся вверх тормашками, и вот он уже висит на плече Чи Е, который широкими шагами направлялся в гостиную.

Его снова безапелляционно швырнули на диван, но прежней враждебности в воздухе уже не ощущалось. На руке Чи Е всё ещё краснел свежий шрам, но сам он ухмылялся, затевая привычную мужицкую возню. Среди деревенских парней так повелось: выпили — поорали, подрались — помирились. Он без лишних слов принялся щекотать Хуайцина:

— По заднице меня отходить решил, а? Совсем страх потерял?

Хуайцин до смерти боялся щекотки. Завизжав и извиваясь, он попытался лягнуть Чи Е, но тот

ловко перехватил его за щиколотку, полностью лишив возможности двигаться.

Вот тут Хуайцина охватила настоящая паника.

Дети же буквально за дверью! Неужели этот идиот прямо здесь решит перейти все границы?!

Это же предел дикости!

Согнутую в колене ногу прижали к самой груди. Сердце Хуайцина забилося где-то в горле. За дни, проведённые в затворничестве, он успел забыть, насколько ненормален этот мужик с его грубыми, мужицкими повадками и шершавыми, покрытыми мозолями ладонями.

Шершавая ладонь огладила вспыхнувшую мочку уха и тяжело опустилась на обивку дивана.

Хуайцин отчаянно брыкался, грудь его судорожно вздымалась, но всё было тщетно.

Чи Е, судя по выражению лица, остался вполне доволен произведённым эффектом.

Он возвышался над Хуайцином, разглядывая яркий, пунцовый румянец, разлившийся по его фарфоровым щекам.

— Зови меня «брат».

Хуайцин замер, приоткрыв рот.

— Всё ещё не разговариваешь? — Чи Е выпустил его щиколотку и состряпал строгую мину. — Всё равно назови братом. Иначе продолжу тебя проучивать.

Хуайцин закусил губу, не издавая ни звука.

Если бы взглядом можно было испепелять, от этого кретина осталась бы горстка пепла.

Чи Е лишь дурачился. Увидев, что парень залился краской до самых ушей, он решил сжалиться и поднялся:

— Ладно, проехали. Я вообще-то про тех сегодняшних гопников...

Фраза оборвалась на полуслове.

Хуайцин, тяжело дыша, сел и потянул распахнувшийся ворот рубашки.

Во время возни подол задрался, обнажив узкую полоску белой кожи на талии.

— Это ещё что?

Голос Чи Е мгновенно стал предельно строгим.

Хуайцин, только успевший оправить одежду, недоумённо уставился на него.

Чи Е без лишних церемоний задрал край его рубашки.

Природа наградила Хуайцина точёной фигурой и изящной талией, на которой изумительно смотрелся тонкий цепочный пояс, украшенный нефритовыми бусинами.

Алый шнурок гибкой змейкой обвивал талию.

Он надел его совсем недавно, пока мылся в душе, просто так, под настроение.

Украшений он почти не носил, поэтому им двигало обычное любопытство. Была и другая причина: у Хуайцина на боку имелось небольшое ярко-алое родимое пятно. Вульгарный цвет его раздражал, а свисающие с цепочки старинные монетки как раз прикрывали его.

Однако взгляд Чи Е, острый и тяжелый, будто клинок, въелся в это место.

Мужчина повторил с ледяной, отчужденной угрозой:

— Что это такое?

Голос прозвучал сурово и непреклонно:

— Снимай.

<http://bllate.org/book/19966/1985770>